

**Беседа директора Института философии РАН
академика РАН А. В. Смирнова
с главным редактором журнала В. Н. Шевченко**

В интервью директора Института философии РАН А.В. Смирнова говорится о цивилизационном проекте для России, обсуждаются возможности и особенности его конструирования. На различных уровнях социального анализа рассматриваются вопросы исторического и государственного развития страны, оценивается возможность применения зарубежного опыта в отечественных цивилизационных реалиях, озвучиваются угрозы, стоящие сегодня перед российским обществом и государством. Главная мысль директора института, высказанная в интервью, состоит в том, что Россию нельзя рассматривать как монокультурную или моноцивилизационную страну. В России есть православие, ислам, буддизм, иудаизм, традиционные религии народов Севера и Юга, есть люди свободные от религии. Это все разные культурные потоки. Собрать воедино разнологичные, разнонаправленные, разнокультурные движения, существующие во всех регионах и субъектах республики, понять историю России, ее смысл, ее будущее, независимо от партийных или каких-то иных пристрастий – вот генеральная задача огромного, цивилизационного, по сути дела, мегапроекта. Однако при этом необходимо отказаться от заранее заданной для всех исследователей жестко фиксированной идентификации. В заключение беседы директор подчеркнул, насколько важно, чтобы для решения этой задачи журнал «Проблемы цивилизационного развития» стал общей дискуссионной площадкой для всех ученых, философов, для всех без исключения интеллектуальных сил страны.

**Interview of the Director of the Institute of Philosophy RAS
Academician of RAS A. V. Smirnov
with the Editor-in-chief V. N. Shevchenko**

In the interview the director of the Institute of Philosophy Andrey V. Smirnov talks about Russian civilizational project and discusses challenges and features of its construction. In particular, he considers the issues of country's historical and national development, estimates the efficiency of foreign experience application in Russian specifics, uncovers the threats that Russian state and society face. The main idea of the interview describes inaccuracy of perceiving Russia as monoculture or monocivilisation and unveils its complexity as an amalgam of Orthodoxy, Islam, Buddhism, Judaism, traditional religions of the North and the South and people free from religion. These are all different cultural flows. So the priority of the civilizational megaproject is to unite diverse, multidirectional, mul-

ticultural movements of every part of the country and to understand Russian historical trend, its logic, its sense and its future regardless to political or any other identity of the researcher. And that is why the ideological freedom is a key stone. In the end, the director highlights the importance of "Civilization studies review" as a discussion platform for the academic researchers, philosophers and all the intellectual forces of the country.

В.Н. Андрей Вадимович, добрый вечер! Как известно, весной этого года Ученый совет института при Вашем активном содействии принял решение о создании электронного общеинститутского журнала, который при регистрации получил название «Проблемы цивилизационного развития». Создание журнала рассматривается как одно из тех важных средств наряду с другими, которые позволят приступить к практической реализации общеинститутского, долгосрочного по своим целям «Российского проекта цивилизационного развития». В этой связи мне хотелось бы задать ряд вопросов, связанных с Вашим пониманием важнейших смысловых опор предложенного всему институтскому сообществу российского проекта.

Цивилизационный проект для России – это практический императив, острая, первостепенная необходимость или это проблема, которую еще предстоит нам обсудить и понять, в чем же главная суть этого проекта? Насколько эта проблема соотносится с вопросом сегодняшнего выживания нашей российской цивилизации?

А.В. Думаю, все три слова – правильные: и императив, и проблема, и проект. Почему императив? Вот только один пример. Два года назад у нас была календарная историческая дата – столетие Русской революции. Как она отмечалась в стране? Да никак. Никак! Если брать страну в целом. Не было предложено никакого осмысления... было какое-то смущение у власти, да, пожалуй, у всех, от того, что прошло сто лет, а мы, в целом МЫ, не знаем, что о ней сказать. А ведь это революция, которая перевернула не только нашу страну, но и пол-Европы, и которая повлияла на весь мир. Как можно относиться так к своей истории: как будто этого события не было и нам нечего сказать о нем? Это только один пример, но, по-моему, очень яркий, и он свидетельствует о том, что наше национальное самосознание находится в растерянности.

В.Н. Можно даже сильнее сказать – в глубоком кризисе.

А.В. Да, кризис в том и выражается, что мы как будто стесняемся самих себя, как будто стесняемся своей истории. А если говорить более широко, мы стесняемся называть себя русскими. Русскими не в этническом смысле, а в том смысле, который имел в виду Иосиф Бродский, когда говорил: «Я – русский поэт». А мы слишком часто используем слово «россияне». Но это форма ухода от ответа на вопрос «кто мы?». Местоимение «мы» имеет значение. По какому праву люди используют «мы»? Что нас держит всех вместе? Для чего мы существуем? Куда мы идем?

На уровне государства приняты разные правительственные документы, в названии которых постоянно фигурирует понятия стратегии, стратегий обозначено много – одна, другая, третья.

В.Н. У нас принято, кажется, 12 национальных проектов: цифровая экономика, экология, наука, образование, культура, демография и т. д., но нет единого общенационального проекта.

А.В. Да, наверное, они сами по себе очень хорошие проекты, но это – технические проекты. То есть проекты, которые содержат технические решения: что-то сделать, что-то улучшить, повысить такие-то показатели. Например, в проекте «Наука» упоминается среди других задача создания не менее 15 научно-образовательных центров мирового уровня. И здесь возникает два вопроса. Во-первых, эти проекты выполняют не роботы, а люди, которые должны понимать, для каких конкретных целей эти задачи они призваны решать. И, во-вторых, к чему ведут эти отдельные технические решения. Они же должны быть вписаны в какой-то общий проект, который бы объяснял всем гражданам страны смысл всего того, что мы делаем. Вот все мы сетуем: «В экономике имеет место нерациональное использование природных ресурсов, мы не думаем о будущих поколениях»... А зачем мы будем думать о будущих поколениях, если мы не знаем, будут ли существовать эти поколения, будут ли они жить здесь или, может, убегут в другую страну? Для чего мы будем думать о них, если у нас нет проекта?

Китайцы очень хорошо знают, что будет у них через 10 лет, через 20 лет, через 50 и даже через 100 лет. И, в общем-то, они и на тысячу лет могут загадать вперед. Мы же понятия не имеем, что у нас позади и что у нас впереди, мы не можем даже рационально и осмысленно отнестись к таким эпохальным событиям, как две революционные ломки, имевшие место в прошлом веке в 1917 и 1991 годах. Две революции мы пережили! И каков же их смысл? Так что, я думаю, проект цивилизационного развития для России – это наше общее дело, дело всех нас, без деления на какие-то идейно противостоящие лагеря.

В.Н. Что касается более конкретного содержания национального проекта. Можно ли сказать, что прежде всего необходимо подходить к его конкретизации с точки зрения решения задач национальной или цивилизационной безопасности? То есть мы должны стремиться к обеспечению условий и внешних, и внутренних для нашего безопасного развития. Эти условия важно проговорить и осмыслить, – это первое исходное требование с тем, чтобы дальше продолжать работать над цивилизационным проектом. Как Вы смотрите на проблему цивилизационной, общенациональной безопасности России, каков мир, в котором она сейчас находится, насколько опасны те угрозы и вызовы, которые он бросает нам?

А.В. Да, вы правильно ставите вопрос о цивилизационной или национальной безопасности, но здесь нужно выделять несколько аспектов или уровней, когда мы говорим о безопасности. Конечно, есть силовой аспект, это понятно. Это дело соответствующих ведомств, пусть они выполняют свою работу, и слава богу, что они ее выполняют успешно.

Другой аспект – политический. Как политика может обеспечивать безопасность государства? Важно, прежде всего, чтобы страна не оказалась в изоляции, поэтому диверсификация нашей внешней политики, которая происходит в последние годы, это, конечно, позитивный сдвиг. Я имею в виду формирование действенных, эффективно работающих не западно-центрированных осей, таких как «Россия – Турция – Иран», «Россия – Китай», «Россия – Куба – Венесуэла», наше возвращение в Африку и многое другое. Конечно, нужно иметь в виду, что Россия – не Советский Союз в плане ресурсов и возможностей влияния, но в целом эта диверсификация – очень положительная и перспективная вещь, поскольку без этого говорить о становлении многополярного мира просто бессмысленно.

Есть еще один, более глубокий уровень – социально-экономический уровень анализа. Среди самых острых вопросов – вопрос территориального развития. Ведь фактически взят курс на формирование примерно полутора десятков мегагородов. Это – губительный курс для России. Вообще, если говорить более широко, политический курс на сверхцентрализацию очевиден. И в экономике в целом, и в промышленности, и в образовании мы видим сверхцентрализацию. В промышленности все концентрируется в руках нескольких лиц, которых называют капитанами экономики. В сельском хозяйстве растут и ширятся гигантские агрохолдинги, что ведет к практическому уничтожению фермерских хозяйств, вымиранию деревни. Нельзя не упомянуть и про энергетические монополии.

Но проблема в том, насколько сверхцентрализация, которая проявляется в самых разных сферах, служит интересам самого общества, а насколько интересам партикулярным, эгоистическим. На мой взгляд, сверхцентрализация как тенденция безусловно очень опасна и может привести к непоправимым и трагическим последствиям.

Ну и наконец, еще более глубокий, культурно-цивилизационный уровень, который связан, прежде всего, с нашим самосознанием, о чем мы уже немного говорили. Но главное на этом уровне анализа заключается в том фундаментальном факте, что Россию нельзя рассматривать как монокультурную или моноцивилизационную страну. В России есть и православие, и ислам, и буддизм, и иудаизм, и традиционные религии народов Севера и Юга. Есть люди, свободные от религии. Это все разные культурные потоки. И вы никогда не сможете их отождествить. Поэтому преждевременно, я думаю, говорить о «российской идентичности» (ведь идентичность –

это тождество). Какую бы идентичность из названных вы ни выбрали, вы не можете к этой идентичности привязать все культурные потоки, которые есть в стране. Они все должны быть включены в определенный проект развития и жить в нем своей жизнью. Этот процесс собирания оказывается постоянно движущимся, меняющимся, так что о некой застывшей идентичности не приходится и говорить.

В.Н. Нельзя отрицать появления в современных условиях свободного самостоятельного развития культурных регионов, но здесь как раз и появляются опасности дезинтеграционного характера.

А.В. Да, это опасение, конечно, правильное. И, собственно говоря, Советский Союз был создан по принципу выделения национальных, союзных и автономных, республик, чего не было в дореволюционной России. Хотя в ней была такая же точно, как и сегодня, национально-культурная пестрота, и, может быть, было даже больше национально-этнической автономии, в смысле наличия местного законодательства. Тем не менее, имевшее место жесткое сращение политического и этнокультурного – это, с моей точки зрения, было грандиозной ошибкой, которая, в конечном счете, и облегчила распад Советского Союза. Современная Россия унаследовала в определенной мере разграничения по этническим (национальным) признакам. С одной стороны, это хорошо, что многие национальности или этносы имеют свою, пусть неполную, государственность, но, с другой стороны, конечно, нельзя закрывать глаза на возникающую при этом опасность. Должны быть выработаны какие-то очень действенные меры для того, чтобы не допустить, чтобы самостоятельное и свободное развитие этнических (национальных) образований не перерастало в открытый сепаратизм. Это крайне важно, и это можно сделать в рамках цивилизационного проекта.

В.Н. То есть мы можем сказать, что цивилизационный проект для России в результате многих обсуждений должен создать ясное представление о российской цивилизации как о многосоставном, многоуровневом образовании, таком образовании, в котором каждая из составляющих могла бы иметь свою программу развития на длительную перспективу. Но эти программы нужно согласовать так, чтобы согласие в развитии стало постоянно достижимой нормой и чтобы мы могли все вместе принимать участие в корректировке этого процесса.

А.В. Да, я согласен.

В.Н. Андрей Вадимович, здесь и возникает очень непростой вопрос: а кто должен брать на себя вот эту интегрирующую, координирующую, организаторскую роль? Государство? Но деятельность государства очень часто подвергается критике за неоправданное вмешательство. Насколько сегодняшняя высокоцентрализованная форма российского государства, наличие у него самых разнообразных функций будет способствовать решению раз-

личных задач цивилизационного проекта? Или мы просто недооцениваем возможности самоорганизации, деятельности институтов гражданского общества, которые могли бы дополнить или даже заменить многие функции государства?

И в продолжение этого вопроса. Является ли для нас политическая система Запада образцом или, по меньшей мере, каким-то мериллом развития нашей политической системы? Можно ли утверждать, что у нас вообще какая-то другая история развития политической системы, в которой высокий централизм (при всех связанных с ним опасностях) является условием, способствующим успешному решению и проблем национальной безопасности, и координации действий различных субъектов Российской Федерации, а в прошлом и Российской империи?

А.В. Понимаете, это открытый вопрос. Его как раз и нужно обсуждать, и обсуждать без предвзятости, без каких-либо готовых решений. С одной стороны, очевидно, что какой бы хорошей ни была демократия в тех странах, где она зародилась и где она органично выросла из проблем и особенностей культурного развития этих стран, она, при всей ее значимости, не смогла остановить у нас ни дикую централизацию экономической власти, ни совершенно безумное расслоение общества, ни обеднение населения. То есть все то, что произошло у нас в последние десятилетия. Мы можем сказать, что те законы, которые у нас принимаются, принимаются в интересах большинства? Ведь смысл демократии заключается, в конечном счете, в том, чтобы политические решения и законы принимались в интересах большинства. Мы этого не можем сказать. И примеров тут много. Поэтому с пересадкой, пусть даже успешной, на свою почву чужих институтов не нужно, мне кажется, спешить и питать большие иллюзии, что это произойдет успешно.

Но, с другой стороны, представим себе ситуацию, что вот завтра вдруг станет возможным серьезное изменение нашей политической системы... И что мы сможем предложить взамен?..

Если подходить к проблеме разумно, то это должна быть очень неспешная работа, которая начинается именно с философских дискуссий, с рассмотрения самых разных проектов. При этом, мне кажется, прямая демократия, прямое представительство, прямое народовластие имеет преимущество перед представительной демократией. И здесь нужно учитывать и социально-исторические основы, потому что политическая система демократически устроенных западных стран все-таки построена на идее того, что большие группы и даже слои и классы людей могут быть представлены неким одним представителем или небольшим количеством представителей. Что делать в таком многокультурном, многосубъектном, многоцивилизационном обществе, как наше, где порождаемое историей

многообразие культурных составляющих не может быть редуцировано и утрачено, не может быть как-то «обобщено»? Это вопрос открытый.

Речь не только о европейской модели развития. Возьмите Соединенные Штаты. США – страна иммигрантов. Сам факт иммиграции означает отказ от своих культурных корней, редукцию этих культурных корней. В пользу чего? В пользу общих политических институтов. Эти институты имеют безусловный приоритет над всякими твоими культурными корнями. Пусть твои культурные корни остаются, но пусть они остаются только в твоей частной жизни: дома, на кухне, еще где-то, одевайся в свои костюмы, делай что хочешь, но в школу ходи без хиджабов, и вообще не смей такое говорить, что как-то представляло бы твои культурные традиции в качестве чего-то безусловного.

В нашей стране так нельзя. Это очень сложный вопрос для всех нас. Здесь нет готовых решений. И в опыте других стран мы не найдем этих решений. Мы должны решения выработать сами, это огромный вызов для нас и вместе с тем огромное поле возможностей, потому что если мы способны будем найти решение, то это решение будет и очень интересным теоретически, но и очень эффективным практически. В свое время у нас в стране были советы. Они, конечно, были превращены при советской власти в управленческий механизм, но все-таки по своей идее советы являются органом прямой демократии, прямого представительства. Почему не взять этот опыт? Почему не взять историю земств? Кто только не ругал этот самый крестьянский «мир», но этот мир, тем не менее, тоже наша традиция. Почему же об этом не подумать? Я не говорю, что все это нужно взять из прошлого и просто перенести в настоящее. Нет. Но наше прошлое – наш драгоценный ресурс, который поможет нам осмыслить наши сегодняшние проблемы и который мы недооцениваем. Нам нужно найти какую-то логику собирания разноречивых культурно-цивилизационных потоков, а не стремиться уложить многообразие в рамки интереса класса, социальных слоев или экономических страт. Мы просто не сможем вогнать наши культуры в некие общие рамки. Мы должны собрать эти разноречивые потоки, как-то их связать. Это открытая задача, поэтому мы имеем дело именно с цивилизационным проектом. Так что это и проект, и проблема.

Вот ее нам и нужно увидеть как сложную, реальную и актуальную проблему. Проблема не в том, чтобы успешно применить некие западные образцы у нас. Это никогда не получится. Сегодня уже многие из нас, но пока не все, это поняли. А проблема в том, чтобы встать лицом к лицу с собственной историей, не бояться ее, из нее вывести, «вытянуть» то, что может быть нам полезно сегодня. Это абсолютно нормальная философская работа. Она и должна стать такой.

В.Н. Но насколько мы готовы к этому? Насколько философия, насколько социально-гуманитарные дисциплины готовы к тому, чтобы создавать такое недостающее всем нам знание?

А.В. Пусть мое утверждение будет походить на тавтологию, но мы готовы настолько, насколько мы готовы сегодня. Конечно, гораздо проще быть вторичным. Безусловно, проще комментировать то, что есть, то, что ты прочитал в других книгах, чем думать самому. Но я еще раз повторю, мы ни в каких книгах, ни в западных, ни в восточных, ни в южных, не найдем ответов на те вопросы, которые нас тревожат. Их нельзя там подсмотреть, потому что там другая ситуация. Поэтому, ничего не отбрасывая и максимально учитывая другой опыт, нам надо не бояться быть русскими, опять же, не в этническом смысле, а в том смысле, что мы обладаем собственной историей, и эта история должна иметь для нас смысл. Это вопрос, на который только мы можем ответить. На эти вопросы не ответят ни Тойнби, ни Шпенглер, ни Фукуяма, никто другой, это – наши вопросы. Мы должны на них отвечать. И некоторая инфантильность нашего сознания заключается в том, что мы боимся этого. Мы почему-то отворачиваем голову в сторону.

Я ни в коем случае не призываю, чтобы мы в одну шеренгу построились и куда-то пошли. Но некое общее понимание того, что нам надо ясно смотреть на собственные проблемы, должно быть. Иначе мы от нашей вторичности не избавимся, мы навсегда останемся комментаторами. Надо не бояться быть первыми, чтобы суметь стать первыми.

В.Н. Вот в связи с этим. Раскол общественного сознания в России – это очевидный факт. И в течение длительного времени он как-то не сглаживается, напротив, приобретает все более необычные формы. Раскол угрожает нам, угрожает самому существованию нашего общества. Есть разные философские учения в отечественной мысли, например евразийство, в котором можно если не в классической форме, то в одной из современных форм увидеть попытки соединения конфликтующих идейных течений, присущих современной России. Насколько вообще перспективен такой путь преодоления раскола, как создание новых, синтезных по природе, идейных образований, и насколько обращение, в частности, к классическому евразийству может помочь осознать причины раскола, помочь в поисках выхода из этой бесплодной идейной конфронтации?

А.В. Да, еще до евразийцев Николай Яковлевич Данилевский был, мне кажется, первым, кто попытался встать над этой схваткой, над этим расколом «западников» и «славянофилов». Оба эти течения он считал заблуждением, содержательно разным, но логически одинаковым. Он-то и выдвинул идею нередуцируемого различия цивилизаций, или «культурно-исторических типов», как он их называл. Он, кстати, считал, что славянский культурно-исторический тип еще не создан, и еще большой вопрос, возник-

нет ли он. Тысячелетняя история России не создала славянского культурно-исторического типа. Так что Данилевский не был славянофилом. Показательный факт: у нас чуть ли не все записывают его в славянофилы – но ведь ничего подобного! Это ясно следует из его работ, просто их не очень внимательно читают. Данилевский считал, что необходимо собирание разных культурных потоков, созданных историей человечества, а не редукция их к чему-то «общему». Его идея всечеловеческого была именно в этом.

Я думаю, что мы имеем здесь огромный мыслительный ресурс, на который надо опираться и который следует развивать далее. Но хотелось бы особо подчеркнуть, что мы и в собственном прошлом готовых решений не найдем. Мы найдем, может быть, только подсказки, куда нам стоит двигаться и где стоит продолжить идейные поиски. Классические евразийцы развивали идею всечеловеческого. Они использовали понятие «Россия – Евразия». Но критики окрестили все это «татарщиной», а Евразию иронически называли «Азиопой», и много чего другого было сказано в этом духе.

В.Н. Это несправедливо в отношении классических евразийцев.

А.В. Это, конечно, несправедливо. Но они сами ответили на все подобные обвинения. Ведь у них была идея не этнического, как у Гумилева, а культурного синтеза. Кстати, недавно я читал статьи крымско-татарского мыслителя Исмаила Гаспринского. Удивительно, насколько созвучными идеям классического евразийства оказались его мысли и взгляды, которые он излагал в своих работах конца XIX века, задолго до появления евразийства в 20-е годы XX века. Он был очень просвещенным, европейски образованным ученым, издателем. Несколько лет жил во Франции, но себя считал русским гражданином. Вот пример того, как укорененный в национальной крымско-татарской культуре человек может быть европейски образованным русским патриотом. И это не единичное явление в отечественной истории.

От этого же нельзя отворачиваться. Ну, хорошо, возьмем классическое евразийство. Николай Сергеевич Трубецкой, ученый мирового уровня, создатель фонологии, вдохновитель и основной генератор идей евразийства. Если бы не было его, не было бы евразийства как цельного течения, или оно было бы совсем другим. Как же можно от такого наследия отказываться? Современное евразийство мне менее симпатично, поскольку оно потеряло главное. Главное в евразийстве, что меня привлекает, – это идея логики культуры, и классические евразийцы об этом постоянно говорили примерно так: до тех пор, пока вы не поймете логику своей культуры, не поймете, как развивалась ваша история, вы не поймете, почему ваша этика должна быть такой, а не другой, что она должна вытекать не из каких-то абстрактных теоретических конструкций, которые вы заимствовали, а должна быть согласована с опытом вашей собственной культуры. Именно культура раскрывает, что у вас есть свой опыт, определяющий в общих чертах и этику, и по-

литическое устройство, и общественное устройство. И только если вся ваша деятельность будет основана на логике вашей культуры, тогда сможет быть успешным дальнейшее развитие культуры и общества в целом.

Мне кажется, что это совершенно правильная мысль. Кстати говоря, они были решительными противниками каких-то готовых образцов и всегда говорили, что никаких образцов нет, дело в творчестве, они акцентировали это творческое начало.

В.Н. Один из последних вопросов, Андрей Вадимович. Все-таки, если брать своеобразие развития российского общества, российской истории, то мы не можем не отметить экономическую отсталость России по сравнению с Западной Европой. Проблема отсталости – это ведь одна из самых острых проблем. Помимо сложных проблем культурного развития, о которых мы сейчас говорили с Вами, есть еще проблема: как нам преодолевать отсталость? Известно, что есть два решения: это решение ускоряться и догонять или решение обгонять, не догоняя. Вот как Вы смотрите, насколько вообще теоретически возможно решение обогнать, не догоняя? И в какой мере культура может помочь обществу мобилизоваться или, по крайней мере, собрать его воедино с тем, чтобы мы могли открыть для себя широкие горизонты самостоятельного развития?

А.В. Конечно, надо обгонять, потому что, догоняя, даже ускоренно, мы никогда не догоним. Это понятно по двум причинам. Во-первых, потому что мы никогда не пройдем этот путь до конца: как черепаха у Ахиллеса, догоняемое всегда будет впереди нас. А во-вторых, потому что мы в этом случае идем по чужому пути, играем по чужим правилам, которые не обязательно для нас органичны. Как тут может помочь культура? Есть вроде бы объективные экономические законы, даже имеющие математическую форму, но почему-то мы все время обнаруживаем, что математически выверенные экономические решения не действуют сами по себе, проблема их практической реализации все время упирается в человека. В самом деле, хозяйствующий субъект – это человек. А человек – это не такая универсальная машина, которая всегда стремится к максимизации прибыли или к максимизации своих интересов за счет интересов других. Человек всегда включен в культуру, ведь нет человека без культуры и языка. Взгляд на человека как на сумму экономических отношений его немного обедняет. Если мы берем марксистский взгляд на человека как на сумму общественных отношений, то что понимать под суммой общественных отношений? Ведь их нельзя редуцировать, свести к экономическим отношениям, к отношению к средствам производства и т. д. Это гораздо более сложное суммирование, в него нужно включать и культурные отношения, и язык, и личностное общение. И в этом случае мировоззрение начинает играть ключевую роль.

Мы говорим: «Нужно, чтобы бизнес сотрудничал с наукой, с государством». А почему он должен сотрудничать? Ведь это вопрос мотивации. Человек бизнеса должен видеть смысл. Если он не видит никакого социально-культурного смысла во всем, что у нас происходит, тогда у него не будет желания ни с кем сотрудничать, тогда у него появится единственный смысл – самообогащение, индивидуализация. Значит, должно быть создано какое-то смысловое пространство. Причем это комплексная задача, которая начинается с воспитания, с детского сада, со школьной скамьи и т. д. Вот это все у нас совершенно упущено. Советская система социально-культурного воспитания разрушена. Она, кстати говоря, была очень эффективна как система воспитания. Другое дело, что к ней есть вопросы по содержанию, но, безусловно, это была эффективная система. А сейчас наше подрастающее поколение просто отдано на откуп другой культуре, она его и воспитывает. Недавно замечательно сказал декан философского факультета МГУ В.В. Миронов: «Сейчас у нас вырастает поколение детей, которые хорошо знают, кто такой Микки Маус <и от себя добавлю – Свинка Пеппа>, но не знают, кто такая Баба-яга».

Что это означает? Это означает, что дети теряют связь со своей культурой, а мы, старшее поколение, теряем связь со своими детьми. Ровно то же самое происходит с русским языком, который теряет не только лексику, но уже и синтаксис, и все больше людей бьет тревогу по этому поводу. Существует очень много вещей: язык, культура, история, воспитание, из которых складывается коллективное сознание, коллективное самосознание. Без наличия этих вещей не может быть целеполагания, понимаете? У нас есть национальный проект «Наука». Сейчас разрабатываются основы нового закона о науке. Но любой закон должен, прежде всего, формулировать цель – ради чего. А у нас нет такой стратегической цели. У нас нет в документах ее формулировки. Вот нам говорят в качестве цели: «Повысить наше присутствие в базах данных». Но это же не цель. Это техническое средство для чего-то другого. А какова наша цель, чего мы хотим?

Все эти вопросы складываются в какой-то один сложный и многогранный комплекс, именно комплекс проблем, который требует осознания и затем проектной работы. Нам нужно подумать над таким проектом, который бы создавался, пересоздавался, перепродумывался, который предполагал бы постоянное движение вперед. Собрание воедино разнонаправленных, разнокультурных движений, существующих во всех регионах и субъектах республики – вот генеральная задача огромного, цивилизационного, по сути, мегапроекта.

В.Н. И в заключение, Андрей Вадимович, что Вы могли бы пожелать редколлегии и редакции нашего журнала «Проблемы цивилизационного развития»? Мы выпускаем в свет первый номер журнала. Что нам

предстоит сделать, чтобы завоевать доверие и интерес наших читателей? Ведь сегодня идет довольно острая конкуренция между журналами за авторов и читателей.

А.В. Мне бы очень хотелось, чтобы журнал стал общей площадкой для всех без исключения интеллектуальных сил, для ученых, философов, для всех тех, кто заинтересован в том, чтобы понять историю России, ее смысл, ее будущее, независимо от партийных или каких-то иных пристрастий. Это очень непродуктивная вещь, когда научный журнал проводит какую-то одну точку зрения, становится, по сути, партийным. Мне кажется, что дискуссионный характер материалов, публикуемых в журнале, будет способствовать решению тех больших задач, которые ставятся в российском проекте цивилизационного развития и которые, надеюсь, привлекут внимание и сотрудников нашего института.

В.Н. Спасибо большое за интересную и содержательную беседу!